

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**Вопросы
истории, международных отношений
и
документоведения**

Выпуск 5

Издательство Томского университета

2010

Der Plevan-Plan hat sich also zu ambitiös erwiesen und ist schließlich durchgefallen, was aber nicht das Scheitern der europäischen Idee selbst markierte. Die Integrationsprozesse und die übernationale Zusammenarbeit gingen allmählich weiter – zunächst in dem weniger emotionellen wirtschaftlichen Bereich.

Ю.В. Козлова

ФАКТОР КИТАЯ В ИНДО-ПАКИСТАНСКОМ КОНФЛИКТЕ 1949–1979 гг.

Многие авторитетные исследователи Юго-Восточной Азии, в том числе В.Я. Белокреницкий¹, отмечают, что еще в середине XX в. в Юго-Восточной Азии сложился своеобразный «треугольник» отношений между КНР, Пакистаном и Индией. Действительно, отношения между этими государствами находились и находятся в тесной взаимозависимости. Кроме того, ввиду того, что между всеми «углами» «треугольника» существовал целый набор противоречий разного характера, региональная ситуация отличалась напряженностью и высоким уровнем конфликтности. Обстановка осложнялась еще и тем, что как в условиях «холодной войны», так и после нее западные державы пытались «вклинуться» туда и направить развитие отношений в благоприятную для себя сторону.

Наиболее явный конфликт, нашедший в XX в. выражение в целой серии войн, существовал и существует между Индией и Пакистаном по поводу принадлежности княжеств Джамму и Кашмир. После того как оба государства провели испытание ядерного оружия, учитывая высокий уровень милитаризации Пакистана и радикальные фундаменталистские исламистские настроения значительной части его политических лидеров, отношения приобрели поистине взрывной потенциал. Тем не менее стоит учитывать, что, несмотря на то, что вооруженные столкновения между Индией и КНР были менее масштабны, противоречия между этими государствами едва ли можно назвать несущественными. Они, как и в предыдущем случае, осложнялись религиозными и этническими трениями, территориальным спором, в них также присутствует фактор ядерного оружия, к тому же существует высокий конкурентный потенциал. В последнее время ввиду наращивания Индией политических, экономических и военных ресурсов увеличивается вероятность острой конкуренции между ней и Китаем. Актуальность проблемы определяется тем, что если это соперничество перерастет в вооруженную форму, то последствия будут иметь громадное влияние на миросистему в целом. В этой связи становится понятным повышенное внимание к ситуации в регионе со стороны мирового сообщества и исследователей-международников.

Необходимо изучение исторического опыта, причем не только в теоретическом, но и практическом смысле, для того чтобы не допустить обострение ситуации в будущем или же эффективно урегулировать уже возникший конфликт. Задачей исследования является анализ развития отношений в рамках «треугольника» с акцентом на фактор КНР в индо-пакистанском конфликте, выявление основных тенденций эволюции ее позиции в период с 1949 по 1979 г. При этом логично выделить как своеобразный «рубеж» 1979 г., когда в Китае произошла смена руководства и основных программных установок. На указанном временном промежутке произошло две индо-пакистанские войны, каждая из них будет рассмотрена в отдельности.

В 1965 г. разразилась вторая индо-пакистанская война (первая имела место в 1947–1948 гг.). Фактор Китая проявился в ней на стадии, когда она еще не успела начаться: поражение Индии в конфликте с Китаем 1962 г. способствовало тому, что индийское руководство начало масштабную кампанию по перевооружению, в ее рамках было расширено военно-техническое сотрудничество с СССР. К тому времени уже достаточно явно обозначились разногласия во взглядах КНР и Советского Союза по многим вопросам, к тому же Пекин был не удовлетворен, по его мнению, недостаточно жесткой позицией СССР по отношению к Индии в ходе конфликта годом ранее и подозревал Москву в попытках создать комплексный индо-американо-советский сговор против КНР². Поэтому Китай приступил к поиску в регионе союзника, способного уравновесить опасный потенциал советско-индийского сближения и нашел этого союзника в лице Пакистана.

Еще 2 марта 1963 г. между КНР и Пакистаном был заключен договор, целью которого было выполнение нескольких важных функций: он позволил закрепить за Китаем занятое им в ходе конфликта с Индией в 1962 г. плато Аксайчин, в перспективе же союз мог стать козырем при обострении отношений с Советским Союзом, а также помочь стимулировать усиление противоречий между Индией и Пакистаном. Это ослабило бы позиции Индии в регионе и, следовательно, отвечало интересам КНР. В этом смысле заключение соглашения явилось продуманным дипломатическим маневром. Основным содержанием договора было территориальное разграничение между территорией Синьцзяна и «территориями, находящимися под фактическим контролем Пакистана»³, здесь имелись в виду княжества Джамму и Кашмир, основной предмет спора между Индией и Пакистаном. Причем само разграничение проходило таким образом, как если бы Китай признавал Аксайчин частью территории не Индии, а Пакистана, а Пакистан соглашался на переход этого плато под суверенитет КНР. Кроме того Пакистан передал Китаю часть территории Джамму и Кашмира, которую Индия считает своей. И только в последней статье содержится упоминание о том, что спор между Индией и Пакистаном по поводу Джамму и Кашмира еще не решен, и после его разрешения в пользу той или иной стороны эта сторона должна возобновить переговоры с КНР о разграничении. Однако, что очень важно, если этой стороной окажется Пакистан, то в силе останется данное соглашение, выгодное Китаю. Этот последний пункт определяет однозначную заинтересованность Пекина в том, чтобы конфликт по поводу Джамму и Кашмира был улажен именно в интересах Па-

кистана, тогда граница стала бы непреложной, и никто не смог бы ее оспорить. Иным, менее желаемым вариантом была возможность того, что этот конфликт так и остался бы в «подвешенном» положении и, таким образом, соглашение 1963 г. продолжало бы действовать. Разумеется, Индия прекрасно понимала действительный смысл договора, Совет Безопасности ООН получил от нее жалобу о том, что соглашение между Китаем и Пакистаном нарушает резолюции по этому вопросу 1948 и 1949 гг., и эта жалоба нашла немало сторонников⁴: большинство западных и даже незападных стран отказались признать договор. Пакистан рассматривался ими как потенциальный союзник в регионе, а Китай – как член враждебного лагеря, коммунистическое государство с агрессивной политикой. Естественно, их сближение несло угрозу американским планам по созданию крупного военного блока в Юго-Восточной Азии под эгидой США. Таким образом, содержание соглашения полностью отвечало территориальным и стратегическим интересам КНР в регионе. Оно уязвляло противоречия между КНР и Индией с индо-пакистанским спором по поводу Джамму и Кашмира и предопределило поддержку Пекином всех территориальных претензий Пакистана. Далее Китаю, в соответствии с задачей по укреплению позиций в регионе, было выгодно подталкивать Пакистан к конфликту с Индией, поэтому Пекин выступал с поддержкой движения кашмирцев за самоопределение, давая Пакистану более сильные основания для вмешательства.

Серия вооруженных столкновений между Индией и Пакистаном началась с инцидента в Катче в апреле 1965 г. Китайская пресса незамедлительно развернула широкую анти-индийскую пропаганду, порождая у Пакистана надежды на столь же высокий уровень поддержки Китаем и при международном арбитраже. Кроме того, Исламабаду была оказана экономическая и военная помощь, которая, однако, оказалось безуспешной в преодолении его технического отставания от уже нараставшей потенциал Индии. После требований Совета Безопасности ООН положить вражде конец Пакистан, фактически потерпевший поражение во всех военных операциях, отступил, Индия также прекратила боевые действия. 22 сентября 1965 г. война прекратилась. В целом можно сказать, что китайский фактор, а именно присутствие китайских войск у гималайской границы, явился сдерживающим для Индии в свете развивавшегося сотрудничества между КНР и Пакистаном. 10 января 1966 г. по итогам противостояния при посредничестве Советского Союза было заключено Ташкентское соглашение⁵. Это предопределило негативное отношение Китая к документу: Пекин усмотрел в услугах СССР стремление упрочить свое влияние в регионе (это, в общем, отвечало действительности, так как следствием явилось потепление советско-пакистанских отношений). Позже Пекин неоднократно подстрекал Пакистан к пересмотру декларации. Официально Китай аргументировал свою позицию тем, что считает недопустимым перенос чисто двусторонних разногласий на международный арбитраж с участием стран, не принадлежащих региону. Таким образом, уже касаясь самой процедуры подписания документа, наблюдается дестабилизирующее влияние КНР.

В целом следует отметить, что Ташкентская декларация не содержала никаких принципиально новых положений по территориальному вопросу, возвращая ситуацию на доконфликтное состояние и обязывая соблюдать статус-кво. Ни одна из сторон не была готова к компромиссу, фактор Китая сыграл значительную роль, обусловив эту неготовность. Для Индии уступки означали бы лишение ее части Кашмирской долины, а так как по ней проходила дорога к Ладакху, утрата этого пути ослабляла бы Индию в возможном конфликте с КНР. После заключения Ташкентской декларации Китай поспешил всеми силами дискредитировать ее и развернул широкую анти-Ташкентскую пропаганду, акцентируя внимание на нецелесообразности иностранного вмешательства как проявления империализма Запада⁶. Более того, уже после заключения соглашения в ходе визита Лю Шаоци в Пакистан в феврале 1966 г. представитель Китая заверил Исламабад, что готов предоставить ему всестороннюю помощь в случае агрессии со стороны враждебных сил (естественно, имелась в виду Индия), выразив, таким образом, готовность содействовать пересмотру Ташкентской декларации. Разумеется, есть и другие аспекты, обусловившие выявившуюся в дальнейшем неэффективность ташкентского урегулирования: к тому времени еще не созрели достаточные условия для создания действительно функционального и «сильного» соглашения, однако внешнеполитическое окружение (СССР и все мировое сообщество в лице ООН) как бы «подталкивало» стороны к заключению Ташкентской декларации.

Итак, фактор Китая сыграл во второй индо-пакистанской войне явно дестабилизирующую роль и способствовал возобновлению конфликта в дальнейшем.

Позиция Китая в третьей индо-пакистанской войне (1971–1972 гг.) эволюционировала, это определяется как изменением международной ситуации в целом, так и значительной трансформацией внешнеполитических программных установок китайских лидеров. Впрочем, эти два процесса находятся в тесной взаимосвязи. Важным моментом явилось то, что к этому времени отношения между КНР и СССР стали откровенно враждебными. Кроме того, Китай вошел в Совет Безопасности ООН (1971 г.). Этот период совпал со вторым этапом «культурной революции» (1969–1973 гг.), когда многие члены китайского руководства осознали чрезмерную жесткость и экстремизм ее методов и попытались привнести во все сферы (в том числе и во внешнюю политику) более реалистичный, взвешенный и осторожный подход в соответствии с насущными потребностями страны⁷. КНР даже начала всерьез рассматривать перспективу улучшения отношений с США. Определенная сложность для позиции Китая заключалась в том, что его новый взгляд на международные отношения начал частично противоречить курсу на поддержку всех начинаний Пакистана, в том числе и агрессивных. Разумеется, в открытую Китай не мог нарушить взятые на себя обязательства, но это противоречие оказало значительное влияние на его отношение к конфликту между Индией и Пакистаном.

Первопричиной войны стала борьба восточной провинции Пакистана Бангладеш за отделение. Еще в апреле 1971 г. премьер-министр Чжоу Эньлай в своем письме пакистанскому лидеру осудил индийскую политику в

отношении Бангладеш как подстрекательство бенгальцев к сепаратизму и вмешательство во внутренние дела Пакистана. Пекин заверил, что готов оказать помощь в случае любой агрессии, могущей поставить под угрозу территориальную целостность и единство Пакистана, разумеется, подразумевая Индию. Это сделало политику Исламабада касательно проблемы Бангладеш более уверенной.

В сентябре 1971 г. индийская милитаризованная организация «Бордер Секьюрити Форс» («Силы пограничной безопасности») начала военные действия в пограничных территориях Восточного Пакистана, а 23 ноября Пакистан объявил чрезвычайное положение. На всем протяжении военных действий его преследовали неудачи, вызванные объективной недостаточной технико-экономической готовностью к войне и чрезмерными, как выяснилось, надеждами на помощь Китая. Несмотря на то, что в ходе конфликта он действительно оказал Пакистану широкомасштабную материальную поддержку, в большей степени она была моральной. Так, Китай активно выступал в Совете Безопасности ООН с обвинениями Индии в незаконной интервенции⁸ (его поддерживали и США, но СССР неоднократно налагал вето на резолюции, содержавшие обвинение Индии во вмешательстве), публично призывая другие государства дать отпор империализму и сепаратизму на континенте, помешать провозглашению «марионеточного правительства в Бангладеш»⁹. Вполне понятны опасения Пекина по поводу предстоящего возникновения у его границы независимого, но слабого государства, которое, очень вероятно, окажется под влиянием Советского Союза и подорвет стратегические позиции Китая. Но это на поверхности. В частном порядке Китай неоднократно информировал пакистанское посольство в Пекине и Министерство иностранных дел в Исламабаде, что не будет открыто участвовать в военных действиях как внутреннего, так и внешнего порядка на субконтиненте¹⁰. Эти сообщения, разумеется, не могли остаться незамеченными пакистанскими лидерами, но война была уже начата, а их амбиции все еще заставляли надеяться на благоприятный исход, как выяснилось, напрасно. В ходе визита, совершенного в ноябре пакистанским руководством в Пекин для зондирования обстановки, китайские лидеры в преддверии визита Никсона сделали упор на необходимости урегулирования вопроса мирными средствами, прежде всего через переговоры¹¹. По этим заявлениям довольно четко прослеживается изменение в настроениях лидеров Китая, хотя, разумеется, в ответ на прямой вопрос о том, будет ли предоставлена реальная помощь Пакистану, Пекин вынужден был дать утвердительный ответ. Однако он еще раз уточнил, что не намерен лично участвовать в военных столкновениях.

Что касается политики великих держав, немаловажно, что еще в августе 1971 г. был заключен Договор о мире, дружбе и взаимопомощи между Советским Союзом и Индией¹². В соответствии с договором СССР совершил крупные военные поставки в Индию. Согласно документу стороны в течение 20 лет не просто обязывались «уважать независимость, суверенитет и территориальную целостность друг друга» (ст. 1) и сотрудничать в области техники, экономики, науки, культуры, туризма, но и «не вступать в военные и иные союзы, направленные против другой стороны», воздерживаться от оказания какого бы то ни было содействия агрессии против союзника, а также «вступить в немедленное сотрудничество, необходимое для восстановления мира и устранения угрозы» (ст. 9)¹³. Естественно, для КНР не укрылось, что данное соглашение находилось в рамках брежневской азиатской доктрины по «сдерживанию Китая». После начала военных действий США направили в Бенгальский залив авианосец с ядерным оружием на борту, а Советский Союз в свою очередь послал туда подводные лодки для отслеживания ситуации и ответных действий в случае атаки американского флота¹⁴. Однако прямого вмешательства ни одной, ни другой стороны не произошло, и предпринятые акции носили скорее формально-демонстрационный характер. Державы не желали вступать в открытое противостояние по поводу индо-пакистанского конфликта.

Между тем на всех секторах военных действий положение Пакистана было бедственным, а преимущество Индии бесспорным. Как на западном (Кашмир), так и на восточном (Восточный Пакистан) фронтах пакистанская армия была вынуждена капитулировать, а уже 17 декабря Индия объявила о прекращении огня¹⁵.

Итог войны был зафиксирован в Симлских соглашениях, подписанных в 2 июля 1972 г. Они озаменовали собой новый этап развития региональной ситуации, так как после их заключения Индия и Пакистан не участвовали в открытых враждебных действиях. Это избавило Китай от необходимости искать приемлемую позицию в их ходе. Соглашения закрепили создание нового независимого государства Бангладеш, а так как Индия имела на него значительное влияние, это укрепило ее позиции в регионе. Поэтому можно сказать, что в целом содержание соглашений было неблагоприятным и для Пакистана, и для Китая. В документе указывалось, что «все проблемы и разногласия должны решаться исключительно двусторонними мирными переговорами, и ни одна из стран не должна в одностороннем порядке нарушать условия, провозглашенные в соглашениях»¹⁶. Слово «двусторонние» является важным, так как оно отражает стремление сторон оградить решение конфликта от чьего бы то ни было влияния, в том числе и КНР. Симлские соглашения не смогли окончательно решить кашмирскую проблему, так как компромисс достигнут не был. Граница была отодвинута в пользу Индии, что, естественно, не отвечало интересам Пакистана, поэтому понятно стремление Исламабада к пересмотру договоренностей. То, что проблема не была урегулирована, имело существенное значение и для отношений между Индией и КНР, так как с этим вопросом был увязан территориальный спор между ними. Вместе с тем Симлские соглашения являются позитивным результатом: они на длительное время стабилизировали региональную ситуацию. Во многом это было предопределено более сдержанной позицией Китая в отношении конфликта, а также тем, что в его ходе удалось избежать вмешательства третьих сторон.

Таким образом, Китай не только стимулировал возникновение очередного индо-пакистанского конфликта, но и сыграл значительную роль в его ходе. Однако вследствие того, что разногласия между Дели и Пекином в свете новых внешнеполитических реалий оказались заслонены более глобальными целями Китая, позиция КНР

была гораздо более осторожной, чем во время второй индо-пакистанской войны. Это позволило осуществить относительную нормализацию ситуации в Юго-Восточной Азии.

На основании рассмотрения ситуации в Юго-Восточной Азии в период с 1949 по 1979 г. можно сделать вывод, что позиция КНР действительно была значимым фактором индо-пакистанского конфликта. Важным представляется факт, что Китай был более тесно, чем Индия или Пакистан, втянут в биполярное противостояние на мировой арене в условиях «холодной войны». Эта двойная «включенность» КНР в мировые и региональные процессы позволяла более «прицельно» передавать глобальные импульсы и более полно вовлекала регион в системный контекст международных отношений, проецируя туда биполярную поляризацию. Однако позиция Китая эволюционировала: по мере того, как изменялось его положение в биполярной системе и он все больше заявлял о себе как о самостоятельном и влиятельном акторе международных отношений, отношение к индо-пакистанским трениям становилось все более осторожным и прагматичным. Пекин постепенно отходил от попыток прямого вмешательства в сторону более взвешенного подхода. Впрочем, это не означает, что для китайского руководства его роль в индо-пакистанских отношениях потеряла значимость или актуальность, она по-прежнему рассматривалась как важный ресурс влияния на региональную ситуацию. Вследствие того, что в настоящее время большинство экспертов отмечают высокий уровень политического прагматизма внешнеполитических установок КНР, целесообразно ожидать и соответствующей позиции в отношении индо-пакистанского противостояния.

Примечания

- ¹ См.: Белокреницкий В.Я. Пакистан – Индия: конфронтационная стабильность? // Международные процессы. 2006. № 2. С. 33–47.
- ² См.: Gupta B.S. A Maoist Line for India // The China Quarterly. 1968. № 33. P. 3–16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/651644>, свободный.
- ³ См.: Sino-Pakistan Frontier Agreement. 1963. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kashmir-information.com/LegalDocs/SinoPak.html>, свободный.
- ⁴ См.: Dobell W. Ramifications of the China-Pakistan Border Treaty // Pacific Affairs. 1964. № 3. P. 283–295. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/2754976>. С. 288, свободный.
- ⁵ Tashkent Declaration. 1966. Jan.10. // Kashmir Information Network. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kashmir-information.com/LegalDocs/Tashkent.html>, свободный.
- ⁶ См.: Gupta B.S. A Maoist Line for India // The China Quarterly. 1968. № 33. P. 3–16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/651644>, свободный.
- ⁷ См.: Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М., 2007. С. 131.
- ⁸ См.: Consideration of «Bangla Desh's» Application for U.N. Membership Opposed // Peking Review. 1972. № 33 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://massline.org/PekingReview/PR1972/PR1972-33e.htm>, свободный.
- ⁹ См.: Sidky M. Chinese World Strategy and South Asia: The China Factor in Indo-Pakistani Relations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/2643536>. С. 973, свободный.
- ¹⁰ Электронный ресурс. Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/27.html, свободный.
- ¹¹ См.: Sidky M. Chinese World Strategy and South Asia: The China Factor in Indo-Pakistani Relations // Asian Survey. – 1976. – № 10. P. 965–980. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/2643536>, С. 973, свободный.
- ¹² См.: The Indo-Soviet Treaty of Peace, Friendship and Co-operation. 1971. Aug. 9 [Электронный ресурс]. Реж. дост.: http://www.issi.org.pk/journal/2001_files/no_4/article/4a.htm, свободный.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Системная история международных отношений. События 1945–2003 годов: в 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 350.
- ¹⁵ См.: Белокреницкий В.Я. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 101.
- ¹⁶ См.: Simla Agreement. 1972. July 2. // Kashmir Information Network. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kashmir-information.com/LegalDocs/SimlaAgreement.html>, свободный.

И.В. Кокорин

ФОКС-ЭФФЕКТ И ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ США В ИРАКЕ

Опрос, проведенный The Pew Research Center в сентябре 2002 г. по вопросу о вторжении в Ирак, выявил, что 64% американцев поддерживали применение военной силы, 46% утверждали, что будут «за», даже если это приведет к большим людским потерям. При этом 33% опрошенных утверждали, что поддержат одностороннюю военную кампанию США в любом случае, в то время как 25% выступали «против» военной интервенции без согласия СБ ООН¹. Однако когда началась война, 72% американцев сказали, что решение начать войну было верным².

СМИ всегда выступали в качестве связующего звена между государственной властью и населением, поэтому связь между политическими элитами и медиакорпорациями неизбежна. По словам Т. МакФэйла, «большая часть риторики, новостного пространства в том или ином аспекте связана с государственным контролем СМИ и влиянием правительственных и неправительственных образований на свободу слова, свободу потока информации и данных»³.

Настоящее исследование посвящено раскрытию только одной составляющей информационно-политического ландшафта США во время войны в Ираке, а именно – медийному пространству, и в частности такому феномену, особенно ярко проявившемуся в 2002–2003 гг., как Фокс-эффект.

Ситуация кризиса коренным образом меняет структуру и содержание новостных сообщений, приобретающих новые функции, помимо основной – информационной. Медиасреда приобретает особенный характер, выражающийся в 24-часовом телевидении, активном формировании зрительного образа, распылении информации и т.д.